

Григорий частенько наведывался на буровую. С тех пор как она появилась на его угодьях, он получал от нефтяников денежную компенсацию и старался поддерживать хорошие отношения с буровиками. В этот раз он был явно чем-то встревожен.

– Как дела, Григорий? – по обыкновению спросил бригадир Громов, когда тот появился у входа в рабочее помещение вышки.

– Плохо дела, – посетовал тот. – Двух оленей задрали.

– Волки что ли? Вроде бы их поблизости уже давно никто не видел.

– Не волки, собаки, но они еще хуже.

– Собаки оленей задрали?

– Собаки. Совсем дикие. Нельзя бросать пса. Пес должен дома жить, хозяина слушать. Дикий пес хуже волка, потому что умный. Человека знает. Плохо дело, всех оленей задерут. Что делать буду?

Другие буровики тоже стали прислушиваться к разговору. Все знали, что завезенные и брошенные нефтяниками собаки часто дичают и бродят по тайге близ людских жилищ в поисках пищи. Но никто раньше не слышал, чтобы стаи собак нападали на оленей.

– Ничего себе! – удивился один из нефтяников по имени Василий. – Слышал, Андрей, собаки оленей задирают. А если им человек попадетсЯ?

– Опасно это, – сказал нефтяник с большим стажем, всеми уважаемый за рассудительность и покладистость характера помбур Сомов.

– Да ну, – Андрей махнул рукой. – Не хватало еще собак бояться. Свистнуть погромче – и побегут в разные стороны. Известно, что собака нападает на того, кто её боится.

– Это дикие собаки, – снова заговорил Григорий. – Целая стая – семь штук. Помогать надо, бригадир. Зачем собак завозили? Зачем бросали? Теперь стрелять надо.

– Да из чего стрелять? – упирался Громов. – Это у тебя ружье есть, потому что ты охотник. А мы нефтяники.

– И у вас ружья есть, – хитро усмехнулся Григорий. – Вчера на Белых озерах кто птицу стрелял?

Бригадир замаялся и оглянулся на других буровиков. Те тоже в замешательстве переглянулись.

– Ладно, – после длительной паузы сказал Громов, – не переживай, Григорий, поможем, найдем пару-тройку ружьишек. Но не сейчас, не сегодня. Давай через два дня, у нас как раз смена закончится, перебьем твоих собак.

– Моих не надо, бригадир. Мои – хороший пес. Диких надо.

– Ну да, диких. Я имею в виду собак, про которых ты говоришь.

– Да нет проблем, – поможем, – подхватил Василий. – У нас тут такие стрелки есть!

Остальные тоже одобрительно закивали.

– Через два дня приду, – сказал Григорий и уже стал было уходить, но вдруг обернулся и, подняв вверх указательный палец, назидательно произнес: Один в лес ходить нельзя – ружье надо.

– Ну конечно, Григорий, мы теперь от буровой ни на шаг, – сострил Андрей.

– Да ладно тебе, не умничай, – осадил его помбур.

Григорий медленной, но уверенной походкой шел окраиной болота в сторону леса. Буровики молча провожали его глазами, пока он не скрылся из виду.

– Плакали твои грибочки, – сказал Андрею Василий, когда все вернулись на рабочие места.

– С чего вдруг? – возразил тот. – Ты думаешь, дикие собаки сидят вон за теми кустами и ждут, когда это Андрюха Селезнев за грибами пойдет?

– Не сидят, конечно, и не ждут, но все-таки, как говорится, береженого Бог бережет.

– Ладно вы, подавайте быстрее, – крикнул Сомов, – хватит там расуждать! Вам только дай повод поговорить.

Спохватившись, Андрей с Василием стали быстро подавать трубу.

* * *

Вечером, наскоро собравшись, Андрей зачем-то посмотрел на прикрепленное к стене небольшое зеркало, скользнул глазами по комнате, на мгновение задержав взгляд на висевшем над кроватью большом календаре с репродукциями с картин местного художника Петра Бахлыкова, и, поглядев на изображенного там ханты, сидящего перед лежащей на снегу головой убитого оленя, непроизвольно прочел подпись «Последний». Тут же вспомнился Григорий с его рассказом о диких собаках, пожирающих оленей. Стало как-то неприятно, но Андрей быстро отогнал от себя эти мысли и решительно вышел наружу.

– Все-таки идешь? – неодобрительно спросил Сомов, когда Андрей, громко поскрипывая дужкой металлического ведра, шел по окраине болота тем же путем, которым недавно уходил Григорий. Собственно, кроме дороги из песка, насыпанного поверх трясины, да мокрой тропы, идущей вдоль болота, пути с буровой не было. А к лесу вела одна только эта тропа.

– Иду, разумеется, – упрямо ответил Андрей. – Что мне теперь вообще не жить?

– Ну смотри, – сказал Сомов, – шутки шутками, а бывают в жизни разные случаи. Вот помню как-то...

– Извини, Тимофеич, но чего я больше всего не люблю, так это когда начинают каркать под руку, или под ноги, ну словом, перед дорогой.

– Ладно-ладно, тебе виднее, иди, пока темнеть не начало, а то белые ночи кончились уже. Да оделся бы потеплее, я недавно вот так же – чуть не околел.

– А я закаленный, – Андрей молодецкато одернул на себе защитного цвета курточку-ветровку. – Тимофеич, ты бы лучше вместо советов дал мне твой красивый нож, а то я свой не нашел.

– Ну да! Еще и мой потеряешь. Я свой нож вообще никому не даю, да и сам беру его только на охоту.

– Тимофеич, но ты ж не жмот. Да и сам говоришь: собаки, мол, – дело опасное. А вот я иду в тайгу совсем безоружным.

– Ладно, погоди...

Сомов ушел в вагончик и через полминуты вынес большой, красивый, с расписной рукояткой складной охотничий нож:

– Смотри не потеряй!

– Да брось ты, Тимофеич. Ты что? Как можно такой нож потерять?

– Ну иди-иди, а то опять сейчас начнешь балагурить. Тебя хлебом не корми, дай только языком почесать.

– Ладно, я пошел. Если не вернусь – считать... Кем считать-то, Тимофеич?

– Охламоном. Кем тебя еще считать можно?

Сомов, не оборачиваясь, пошел к буровой. Андрей еще немного постоял, вертя в руках нож неожиданно подобрешего помбура, и наконец сунув его в карман, снова пошел в сторону леса. В тишине раздавалось лишь чавканье влажной почвы под ногами да звонкое поскрипывание дужки ведра. Солнце клонилось к закату.

Андрею было спокойно и даже весело. О собаках он тут же забыл, да и с самого начала не принимал всерьез никаких предостережений на этот счет. Быстрой легкой походкой дошел он до леса. Затем обернулся, окинул взглядом вышку, вагончики, уходящую вдаль светлую полосу дороги и стремительно углубился в чащу соснового и елового молодняка, буйно разросшегося на лесной окраине. Привычно, уже наметанным взглядом опытного грибника, он осматривал места, где могут прятаться грибы. Да собственно, грибы особо и не прятались.

Лето в этом году выдалось щедрым. Вот довольно крупный подберезовик виднеется у группы тонких березок, вот сухой моховичок, вот еще и еще, и снова подберезовик. Немного походить – можно и белые найти. Ведро, весело поскрипывая, быстро наполнялось.

Незаметно Андрей уходил все дальше и дальше от буровой, и уже лишь самая верхушка её виднелась вдали за кронами сосен. В какой-то момент скрип ведра, далеко разносившийся в лесной тиши, стал раздражать. Андрей остановился, энергично покачал ведро, издававшее гулкие ритмичные звуки, и подумал: “Надо было пластмассовое взять”.

Он продолжил было сбор грибов, но тут ему почудилось, что он не один, что где-то совсем рядом есть еще кто-то. Андрей опасливо огляделся по сторонам, прислушался. Над лесом в полнеба горела вечерняя заря, вышка уже полностью скрылась из виду, вокруг было пусто и тихо. Лишь со стороны буровой изредка доносились неразборчивые отдаленные звуки.

Андрей постарался стряхнуть с себя неприятное ощущение постороннего присутствия и добрать ведро доверху, однако странное ощущение не проходило, и даже наоборот, усиливалось. Казалось, весь лес и особенно густой кустарник на пригорке таят в себе какую-то опасность. Стало не по себе. Сразу вспомнились дикие собаки, задирающие хантыйских оленей, в голову начала лезть всякая чепуха, в памяти вдруг всплыли фрагменты из давно забытых фильмов ужасов.

– Да что такое! – с досадой сказал Андрей, поставил на землю ведро и снова осмотрелся по сторонам. Тут он вспомнил об охотничьем ноже помбура Сомова, сунул руку в карман, достал его, разложил и несколько раз махнул с плеча, словно саблей. Это несколько успокоило и вселило уверенность. Затем Андрей сложил нож и сунул его обратно в карман. Но на ум уже пришла кавалерийская песня, слышанная в каком-то старом фильме, и Андрей, широко и нарочито бодро шагая, запел: “Мы красные кавалеристы, и для нас... – дальше слова не помнились, – пара-па-па,

пара-па-па, пара-па-па. Тарам-па-па, парам-та-та парам-па-па-па... Андрей сбился с ритма и остановился. Что-то его отвлекло – то ли подзрительный шорох раздался слева, то ли краем глаза он уловил какое-то движение в кустах – словом, что-то было не так.

Андрей повел налево глазами, затем резко повернул голову, и его словно жаром обдало: из кустов в упор внимательно, не мигая, глядели большие темные глаза. Сначала Андрею даже показалось, что это человеческие глаза, но в следующий момент он рассмотрел за ветвями покрытую белой шерстью звериную морду. “Волки белыми не бывают, по крайней мере здесь. Значит это собака, – подумал он, и тут же предательски мелькнула мысль: «Или волк-альбинос”». Андрей все же уверил себя, что за кустами прячется бездомный пес, но от этого почему-то легче не стало. Появилось нехорошее предчувствие. Андрей медленно повернулся.

– Ну чего ты там сидишь? – спросил он как можно мягче и ласковей. – Ну давай, выходи.

Андрей слегка похлопал себя по ноге и издал языком частые цокающие звуки. Собака не шевельнулась.

– Ну чего испугался? Песик, Шарик, как там тебя... Фить-фить-фить.

Андрей трижды тихонько присвистнул. Собака словно окаменела.

– Ну и черт с тобой! – осмелел Андрей и, развернувшись, не спеша побрел в сторону буровой. Впрочем, шагов через десять он обернулся: собаки вообще не было видно. Но едва Андрей двинулся дальше, за спиной послышался шорох. Оглянувшись, он увидел, что собака наконец вышла из своего укрытия и потихоньку идет за ним. Собака, увидев, что человек смотрит на нее, тоже остановилась и громко, протяжно залаяла. Была она средних размеров, видимо, беспородная, и будь она чистой, наверняка выглядела бы белоснежной. Во взгляде и во всем ее внешнем виде было что-то недоброе.

– Ну чего, чего?! – прикрикнул на нее Андрей. – А ну пошла отсюда!

Андрей топнул ногой и сделал движение, словно хочет бросить в нее ведром. Собака тихонько зарычала.

– Этого еще не хватало!

Селезневым снова овладело неприятное тревожное чувство, и он пошел по окраине болота, где не было никаких кустов и можно было все видеть вокруг на сотни метров. Зверь поспешил за ним, держась метрах в десяти сзади и чуть левее.

– Надоела ты мне! – разозлился Андрей.

И вдруг, развернувшись, с громким криком побежал на собаку, высоко поднимая ноги и с силой ударяя ими о землю так, что во все стороны полетели брызги воды и бурой болотной жижи. Затем он остановился, поставил на землю ведро и, заложив в рот пальцы, оглушительно засвистел. Это произвело впечатление на собаку. Она, прижав к голове уши и поджав хвост, метнулась в сторону. Но тут же, описав большую дугу, оказалась впереди Андрея, загородив ему путь к вышке. Андрей пошел прямо на пса, но тот оскалился и громко зарычал. Андрей остановился.

– Вот зараза!

Он принял левее, пытаясь просто обойти зверя. Пес оставался на месте, провожая человека внимательным взглядом, он неожиданно взвизгнул, подхватился и нетерпеливо затоптался на месте, глядя на что-то позади Андрея. Андрей обернулся, и холод пробежал по его спине. Вдогонку за ним, выбрасывая брызги из-под лап, стремительно неслось четыре собаки. Три из них были так себе, дворняги. Но с четвертой шутки были плохи. Это

была овчарка или какая-то помесь с овчаркой. Она неслась впереди всех большими прыжками, и это было бы красиво, если бы не было страшно.

Андрей, все еще не выпуская из руки ведра с грибами, бросился было бежать в сторону лесной чащи, куда, собственно, и намеревался идти ранее, но там его ждал новый неприятный сюрприз. Наперерез, окончательно отрезая ему путь к буровой, бежали еще два зверя: впереди – огромный, мохнатый, похожий на медведя, огненно-рыжий пес, за ним – небольшая черная собака.

Оставалось два пути: один – в болото, другой – в лес, но уже не к буровой, а в противоположную от нее сторону. Последняя надежда заключалась в том, чтобы добежать до леса и успеть взобраться на первое попавшееся крупное дерево, но и с этой стороны его уже караулила белая. Андрей ринулся прямо на собаку, намереваясь ударить ее ногой, но она отскочила, пропустила его, и тут же, догнав, больно вцепилась в правую руку. Было слышно, как затрещала ткань куртки.

Андрей изо всей силы размахнулся и ударил собаку ведром с грибами, часть которых разлетелась во все стороны. Белая взвизгнула и откатилась прочь, но тут же снова перекрыла дорогу к лесу. Остальные псы были уже довольно близко, и Андрей побежал по болоту, прыгая по кочкам и периодически проваливаясь между ними. Стая с овчаркой во главе уже настигала. Андрей широко размахнулся и швырнул в собак ведром. Овчарка просто перепрыгнула через него. Остальные собаки шарахнулись было в сторону, но снова потянулись за вожакom. Справа подтягивались рыжий с черной.

Тут Андрей по-настоящему ощутил всю опасность и безысходность своего положения и всерьез испугался. Бежать дальше смысла не было. Только теперь Андрей вспомнил о ноже. Быстро достал его, разложил. Массивный охотничий нож показался ему теперь маленьким и безобидным. Андрей выставил его перед собой и стал размахивать им из стороны в сторону. В то же время он осторожно пятился назад, боясь оступиться и упасть. Собаки остановились и залились яростным лаем. Только овчарка была спокойна. Она изучающе смотрела на человека холодным пристальным взглядом и потихоньку продвигалась вперед, обходя добычу сбоку.

Андрей оглянулся: дерево! Как же он раньше не обратил на него внимания? Метрах в десяти позади него стояла одинокая высохшая сосна. Черные силуэты погибших деревьев с голыми сухими ветками можно встретить на всех болотах. Они медленно гниют, теряя ветви, пока наконец трухлявый ствол не обломится от легкого дуновения ветра или просто под собственной тяжестью. Андрей еще раз коротко оглянулся. Одна из веток, толстая, нижняя, находилась на высоте около двух с половиной метров и казалась довольно прочной, хотя это впечатление могло оказаться обманчивым.

Но другого выхода не было. Примерно на такой же высоте у Андрея дома висел турник. В принципе, ничего сложного, быстро прикинул Андрей. Надо только добраться до дерева и успеть подтянуться на ветке, прежде чем собаки успеют своими острыми хищными клыками впиться в его ноги. Однако времени было совсем мало. Собаки могли атаковать в любой момент.

Андрей, все еще держа нож перед собой, стал быстро отходить к дереву. Собак это взбудоражило, они все еще с опаской, но уже более решительно устремились за ним. Овчарка сделала небольшой прыжок, кажется, готовясь к решающему броску. Теперь все решали секунды. Андрей отчаянно

закричал, сильно топя ногами о землю и разбрызгивая вокруг болотную жижу. В то же время он махнул перед собой ножом, да так сильно, что нож выскользнул из влажной и скользкой от грибов ладони и улетел метров на двадцать.

На какое-то мгновение собаки опешили и даже отпрянули. Андрей развернулся и в три прыжка оказался у дерева. Он успел подпрыгнуть, ухватиться за ветку и, подтянувшись, навалиться на нее животом. Дерево выдержало. В последний момент Андрей поджал ноги и услышал, как щелкнула зубами прыгнувшая овчарка. Андрей, крепко удерживаясь за дерево, занял сидячую позу. Вожак встал на задние лапы, оперся передними о ствол сосны, задрал голову и стал неотрывно смотреть на человека, сидящего на ветке.

– Акела промахнулся, – злорадно сказал Андрей, глядя собаке в глаза.

Он сел поближе к стволу, обхватил его обеими руками так, чтобы в случае если ветка все-таки не выдержит, можно было удержаться наверху. Тут же где-то в глубине болота, под стволом послышался глухой хруст, после чего дерево начало клониться. “Господи, помоги”, – подумал Андрей.

Собаки оживились, забегали вокруг, залаяли. И только вожак, теперь уже сидевший в нескольких шагах от сосны, продолжал молча смотреть на человека глазами волка-убийцы. В его спокойствии, уверенности было что-то жуткое. Казалось, этот пес наперед знал исход охоты, обреченность загнанной добычи, а потому и не мельтешил, не торопился.

– Чтоб ты сдох, – пожелал ему человек на дереве.

Несколько отдышавшись, Андрей стал громко кричать в ту сторону, где из-за деревьев едва виднелся остов буровой:

– Мужики! Мужики! На помощь! Василий! Тимофеич! Бригадир! Помогите!

Собаки реагировали на его крики громким лаем. Заря медленно догорала над болотом, и участки почвы, покрытые водой, красновато поблескивали, словно рассыпанные в траве осколки огромного зеркала. Андрей совсем охрип.

– Не слышат, черти, – уныло сказал он.

Через пару часов после того как Селезнев ушел за грибами, Василий подошел к помбуру.

– Слушай, – озабоченно сказал он, – что-то грибника нашего долго нет. Обещал ведро набрать и вернуться. Грибов в лесу сейчас полно – за полчаса ведро набрать можно.

– Увлекся, наверное, ты же знаешь его, – спокойно ответил Сомов.

– А может, случилось что?

– Типун тебе на язык. Сейчас придет твой грибник. Темнеть начнет – и придет, потемну бродить не будет.

Помбур вышел наружу, походил по краю буровой площадки, напряженно вглядываясь в даль, и вернулся обратно.

Становилось холодно, и Андрей пожалел, что надел только легкую куртку на случай дождя. К тому же он стал все сильнее ощущать, как болит укушенная рука. Поглядел: из куртки выдран клочок ткани, но рана, кажется, была небольшой.

– Ждите, ждите, – сказал он собакам, – скоро меня начнут искать – тогда почешетесь. – Эге-ге-ге-гей! – на всякий случай закричал он еще раз и прислушался: в ответ ни звука. – Ничего, скоро они спохватятся.

Постепенно Андрея стала одолевать усталость, захотелось спать. Но произошедшее далее на время отогнало сон. Одна небольшая бурая собачонка

вдруг подошла к стволу, обхватила его лапами и стала неуклюже, но довольно уверенно взбираться по нему. Собаки снова оживились, заволновались.

– Ах ты сволочь! – одновременно удивился и возмутился Андрей. – Это кто ж тебя научил?!

Он отломил небольшую сухую ветку над головой и стал сталкивать ею собаку. Собака рычала, кусала ветку и соскальзывала вниз. Так повторялось раз пять. Потом она устала и, видимо, поняла тщетность своих попыток. Псы успокоились и теперь лениво сидели и лежали вокруг дерева. Узкая полоска вечерней зари догорала вдали.

– Чтоб вы все сдохли! – сказал Андрей собакам, дрожа от холода.

Время шло, близилась ночь, а Андрей на буровую не возвращался. Тут уж и бригадир всерьез забеспокоился, стал периодически спрашивать у Сомова:

– Ну что, пришел?

Тот только головой качал да посылал кого-нибудь глянуть, не идет ли. А тут еще Ермилов Алексей забежал взъерошенный. Мне, говорит, показалось, будто крик какой-то из лесу донесся. Помбур, Василий и еще пара человек из бригады вышли наружу, прислушались: вокруг было тихо.

– Да слышал ли ты или тебе только показалось? – спросил Сомов.

– Ну я не знаю, – засомневался Алексей.

Тут и Громов подошел.

– Все выглядываете? – сердито спросил он. – Ну вот что: хватит! Идем искать. Найдем – шею сверну.

– Сначала найти надо, – тревожным голосом заметил Василий.

– Да что ты все страху нагоняешь! – прикрикнул на него Сомов. – Найдем, куда он денется.

Через некоторое время дрожь у Андрея прошла, но тело совсем окоченело; казалось, холод уже идет откуда-то изнутри. С новой силой навалился сон и, несмотря на упорное сопротивление Андрея, все же одолел его.

Но долго ли тут поспишь? И вот Андрей просыпается от сильного холода, приподнимает голову: как же не мерзнуть, если лежишь ничком на снегу? И когда же это успел снег выпасть? Андрей приподнимается, садится и осматривается. Невдалеке он видит полуразрушенный сруб, за которым виднеется знакомое очертание буровой, вдали поднимается к нему столб темного густого дыма. Эге, да это же как на картине Бахлыкова, что в вагончике над кроватью!

Тут Андрей поворачивает голову и видит, что на снегу сидит в хантыйской одежде неизвестно откуда взявшийся Григорий, грустный такой, а перед ним лежит какой-то большой неясный предмет. Сначала Андрей не понимает, что это. Но тут Григорий поднимается на ноги, берет с земли непонятный предмет, и Андрей видит, что Григорий держит за рога оленью голову. “Последний”, – печально говорит он. “Как же так, – думает Андрей, ведь мы обещали помочь?!”.

И с этим вопросом он по снегу направляется к буровой. “Там тоже никого не осталось”, – слышит он вслед голос Григория. Андрей прибавляет шагу, а затем переходит на бег, выдыхая изо рта густые клубы пара. Приближаясь к вышке, он слышит знакомый, бодрящий и радующий шум работ. Он заходит в помещение и видит, как привычно уходит в глубину земли стальная труба, но вокруг нет никого из бригады. Зато всюду сидят, стоят, лежат многочисленные разномастные собаки. Вот серая овчарка угрожающе двинулась в его сторону, остальные псы, скалясь, потянулись за ней.

Андрей выскакивает наружу и бежит к вагончику. Он распахивает дверь, но за ней нет никакого помещения – там до самого горизонта простираются буро-зеленые болота с очертаниями одиноко стоящих высохших сосен, а вблизи на болотной кочке неподвижно сидит уже знакомая Андрею овчарка и в упор угрожающе глядит на него жутко поблескивающими зелеными глазами. Андрей захлопывает дверь, оборачивается и...

По эту сторону вагончика буровой уже нет. На ее месте стоит огромное высохшее дерево, на голых ветвях которого, словно вороны, сидят свирепые собаки. Вдруг они прыгают с веток и летят на Андрея, будто огромные летучие мыши. Слышится жуткий вой и лай. Андрей снова забегает в вагончик и проваливается в пустоту. Изо всех сил он цепляется за дверь, но руки медленно скользят, и он вот-вот рухнет вниз.

В этот момент Андрей проснулся по-настоящему.

Буровики шли по лесу и вдоль болота, разделившись на группы по два-три человека так, чтобы в каждой группе был фонарь. Они постоянно перекликались, дабы не разбрестись и не потерять друг друга.

– Бригадир! Бригадир! – вдруг закричал Василий, стремительно продираясь сквозь кустарник.

Он подбежал к Громову, протянув вперед кулак, в котором было что-то зажато, и раскрыл его. На ладони лежал небольшой тканевый лоскут. Громов осветил его фонарем – бесспорно, это был клочок куртки защитного цвета, и на нем явно виднелись яркие пятна крови. Подошло еще двое буровиков.

– Братцы! – с дрожью в голосе воскликнул Василий.

– Тише! – прервал его бригадир.

Он схватил окровавленный обрывок куртки, сунул его в карман и угрюмо, но твердо сказал:

– Продолжаем искать!

Проснувшись, Андрей понял, что соскальзывает с ветки и при этом отчаянно цепляется за ствол сосны. Изо всей силы он обхватил дерево руками и ногами, но уже успел соскользнуть настолько, что больно ударился локтем о ветку, на которой только что сидел. Стая внизу снова подхватила с места – она все еще была здесь и, кажется, не собиралась никуда уходить.

Андрею удалось, вскарабкавшись выше, навалиться животом на ветку, дерево при этом издало жалобный звук и опасно качнулось так, что Андрей едва не клюнул носом вниз. С трудом балансируя, он застыл, лежа поперек ветки. Овчарка снова поднялась на задние лапы, оперевшись передними о древесный ствол, и смотрела ему прямо в лицо. И хотя уже почти стемнело – лишь кое-где в просветах леса догорали последние блики заката – Андрей видел ее глаза.

В этот момент, когда казалось, что не хватит сил на дальнейшее сопротивление и что вот-вот не выдержит либо он сам, либо эти ветхие останки сосенки, Андрей услышал выстрел. Овчарка метнулась в сторону, крутанулась волчком и, так и не издав ни звука, застыла, растянувшись на земле. Остальные псы с лаем бросились бежать. Вдогонку им прозвучал еще один выстрел.

– Слезай, – сказал голос Григория, – не птица.

Андрей попытался занять более удобное положение, но вдруг ветка, глухо хрустнув, обломилась. Андрей плюхнулся в мягкий влажный и холодный грунт.

– Да уж, – сказал он, поднимаясь и отряхивая грязную одежду, – птицу видно по полету.

Григорий стоял у мертвой собаки, держа ружье в одной руке.

– Ну выручил ты меня, – сказал Андрей. – В самый раз подоспел. Откуда ты взялся?

Григорий не ответил. Где-то вдалеке слышались крики, из леса доносился собачий лай. Потом прозвучал выстрел. Еще один, и еще.

– Это наши! – обрадовался Андрей.

– А кто ж еще? – риторически спросил Григорий.

На окраине леса замаячил свет фонаря, показались смутно различимые силуэты людей.

– Я здесь, мужики! Здесь я! – закричал Андрей, подняв вверх руку и помавав ею над головой, хотя этого скорее всего никто, кроме Григория, не увидит. Андрей с Григорием пошли на свет фонаря.

– Живой? – спросил, приближаясь, помбур. – А мы уж не знали, что и думать.

Ружье было только у Сомова, остальные были вооружены кто чем – кто топором, кто обломком трубы, а кто и просто палкой.

– О! – оживился Андрей, тут же забыв и о холоде и обо всех предыдущих мытарствах. – Утро на Куликовом поле!

– Во-первых, не утро, а ночь, – нарочито нахмурился бригадир, а вторых, пошуту мне еще!

– Да ладно, – слегка ступешевался Андрей, – я же так, для поднятия духа.

– Зачем пустили без ружья? – заворчал Григорий. – Не говорил я разве?

– Да кто ж его знал, что и вправду стая набежит, – стал оправдываться помбур.

– Ночевать у вас буду, – сказал Григорий, – по темному возвращаться неохота.

– Ну так, – скомандовал бригадир, – шабаш! Надо возвращаться.

Все, шутя и осматривая спасенного, потянулись в сторону вышки.

– А нож твой я все-таки потерял, – признался помбур Андрей.

– Хорошо, что сам уцелел, – отозвался тот. – А нож, конечно, жалко.

– Завтра вернусь – найду.

– Не найдешь, – возразил Григорий.

– Ну а грибов-то набрал? – полушутя полюбопытствовал Василий.

Андрей только рукой махнул:

– А ну их к чертям собачьим!

Все засмеялись. Было уже совсем темно.